

ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: ФОКУСЫ С ЭЛЕКТРИЧЕСТВОМ, ИЛИ РАЗОБЛАЧЕНИЕ МАГИИ

Внешняя политика такова, что в ней невозможно постоянно притворяться и *делать вид*. Приходит момент, когда созданные умелым пиаром, а порой и иллюзиями партнеров и противников покрывала спадают с той или иной страны или организации и на поверхности оказывается та самая неприглядная правда, которую одни всячески старались скрыть, а другие столь же упорно старались не замечать. И тогда по стройным рядам *прогрессивной* и не очень *общественности* проходит глухой ропот – «кто бы мог подумать...». Это вполне естественно: внешняя политика действительно во многом является сферой иллюзий и обмана, однако рано или поздно приходит момент, когда тому или иному политическому лидеру или стране в целом задают известный вопрос из старого советского фильма «Золушка»: «А что, собственно, вы можете предъявить?». И после этого вопроса навыки и умения политтехнологов и пиарщиков перестают иметь хоть какое-то значение.

Наверное, прошедшие два с небольшим месяца как раз и были тем моментом в истории, когда многие – конечно, не все – маски были сброшены, и произошло весьма полезное разоблачение многих иллюзий и заблуждений. И это на пользу и России, и всей системе международных отношений, ибо исчезновение иллюзий и заблуждений, в конечном счете, дает возможность проводить осмысленную стратегическую линию, основываясь на почве реальности.

Конечно, будут возникать новые иллюзии, новые заблуждения, причем не всегда добро совестные, – такова уж особенность международных отношений. Их даже будут сознательно создавать и развивать. Однако, несмотря на это, опыт разоблачения *внешнеполитической магии* навсегда останется в сознании и политической элиты, и общества. А значит – мы движемся вперед.

О ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛЬЗЕ РОССИЙСКИХ ВЫБОРОВ

Главная внешнеполитическая польза российских выборов и последующего *междоусерствования* заключается в том, что они предельно откровенно обнажают то, что наши западные, да и восточные партнеры стараются скрывать в ходе обычных контактов и переговоров. За последние несколько месяцев мы узнали о себе, о том, что нам делать, и о том, что делать с нами, больше, чем за последние три-четыре года. Мы узнали, что от нас ждут наши западные, да и восточные партнеры, что их заботит, какой они хотели бы видеть Россию. Нельзя сказать, что мы про себя и про отношения к нам наших партнеров узнали что-то принципиально новое, однако есть все же некоторые моменты, на которых стоит остановиться.

Во-первых, очень тревожит комментаторов российских выборов из-за рубежа возможность продолжения Россией практики усиления государственного влияния в сырьевых областях. наших западных партнеров не волнует, по сути, малый бизнес, экологичность и энергоэффективность российской экономики. Их не очень волнует социальный стандарт на российских предприятиях. Их волнует только одно – чтобы зарубежные компании были бы вновь допущены почти в неограниченном режиме к российским углеводородам. И именно об этом было больше всего разговоров в зарубежных СМИ накануне и сразу после выборов. Об этом рассуждали политики и политологи.

Во-вторых, очень волнует наших западных партнеров кадровое наполнение современной власти в России, и они были бы очень заинтересованы в том, чтобы некоторые персоналии исчезли бы из состава российской элиты. И надежд на это было много, если судить по тому вздоху разочарования, который прокатился по западным столицам и прессе после оглашения персонального состава новых российских органов власти. Как оказалось, однако, *путинский консенсус* политической элиты и бюрократии не только сохранился, но даже несколько усилился, хотя, вероятно, и ценой снижения эффективности управления. И это также большое разочарование для наших западных партнеров.

В-третьих, наконец, наши западные партнеры всячески предостерегают нового президента России от *заигрывания с националистическими*, как им кажется, настроениями в российском обществе. То есть возникшее у россиян – хотя и не всегда оправданное – понимание собственной силы и достоинства становится фактором, который на Западе, да и кое-где на Востоке воспринимается как угроза, причем гораздо более значимая, нежели российский военный активизм.

В-четвертых, обратите внимание, с каким воодушевлением наши западные партнеры отметили тот факт, что новоизбранный российский президент свое первое интервью дал западным СМИ (не самое, прямо скажем, мудрое решение), и какой вздох разочарования прошел по их все более стройным рядам, когда первые визиты нового президента были проведены в Казахстан и КНР. И это не случайно – разворот России лицом на Восток воспринимается как одна из наиболее значимых внешнеполитических проблем современной России. Ибо сокращает зависимость России от западных рынков сбыта сырья, контролирование доступа на которые в последние годы было важнейшим инструментом воздействия Запада на Россию.

И вот что интересно: наших партнеров в свое время не очень заботила позиция России по Договору по ПРО, вокруг которого было сломано столько копий и который считался чуть ли не сердцевинной внешнеполитического процесса. Не слишком взволновала и американских, и европейских политиков судьба ДОВСЕ, выход из которого еще недавно рассматривался как вселенская трагедия. Несколько больше интересовали вопросы, связанные с Косово и косовским прецедентом, что понятно с учетом национальных проблем современной Европы, но и эта проблематика не была доминирующей. То есть все основные военно-политические по форме события и действия России, которые внешне вызывали бурную реакцию и рассматривались как чудовищное проявление российского империализма, в действительности наших партнеров волнуют мало. А волнует их, прежде всего, возможность (или невозможность) пере конфигурирования внутриэкономических отношений в России в интересах крупных транснациональных компаний. С этой точки зрения, задачей-максимум для наших западных партнеров является возвращение того экономического режима, который существовал при покойном Б.Н. Ельцине и привел к системному краху российской государственности.

Подход наших западных партнеров к России, который с пугающей откровенностью проявился в период выборов и *междущарствия*, предельно прост: изменится экономика, изменится и политика. Из этого следует сделать простой и почти банальный вывод: главными проблемами в отношениях России с Западом являются не военные или внешнеполитические вопросы, а экономические. И именно способность отстоять собственную самостоятельность в экономике и определит будущее России как серьезной внешнеполитической силы. И не оказаться бы нам в компании тех, с кого безжалостная история *сорвет маску* на следующем повороте.

О ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛЬЗЕ АМЕРИКАНСКИХ ВЫБОРОВ

Главная внешнеполитическая польза американских выборов заключается в том, что только на этом этапе американскому политику высшего уровня позволено говорить то, что он думает. Во все другие времена американский лидер и крупный политик, если он, конечно, не такой *enfant terrible*, как Том Лантос или Пэт Бьюкенен, вынужден соразмерять свои мысли с внешнеполитическими обязательствами, условностями и говорить то, что от него хотят услышать, а не то, что он хочет. В предвыборный период, особенно в период *primaries*, американский политик имеет право и возможность открыто высказывать свои взгляды. И в этом плане прошедший период был исключительно полезен и для России, и для всего мирового сообщества. Итак, что же мы услышали про то, как наши американские партнеры видят ситуацию в мире и возможное продолжение американской внешней политики?

Главным общим моментом в позициях *кандидатов в кандидаты* на пост американского президента было щемящее понимание того, что Америка начинает проигрывать борьбу за *умы и сердца* мировой общественности, и именно это приводит к постепенному ослабеванию авторитета Америки в мире. Разница между кандидатами, по сути, только в том, что Хиллари Клинтон считала, что можно восстановить авторитет Америки улыбкой, то есть вернуться в *старые добрые времена* идеологического первенства *единственной сверхдержавы*. Барак Обама апеллировал к желудку, прежде всего, к желудку самих американцев, которые начали сомневаться в том, что каждое последующее поколение американцев будет жить лучше предыдущего. А Джон Маккейн, кажется, смирился с потерей духовного лидерства Америки и стремился компенсировать это *огнем и мечом*, возможно, справедливо считая, что лучший способ повысить авторитет страны – выиграть *маленькую, но победоносную войну*. Прямо скажем, выбор тут для окружающего Америку мира не богатый. И, конечно, надо понимать, что последнее, что будет интересовать американского избирателя, так это внешнеполитические воззрения будущего американского президента. Но, тем не менее, варианты выбора крайне симптоматичны и показывают нам, что для американской элиты в отличие от американского общества вопрос о том, каково будет влияние США в мире, – совсем не теоретический и не праздный.

При этом можно выделить и несколько интересных частных:

Во-первых, состояние американской экономики, конечно, является важным вопросом, но не настолько важным, чтобы доминировать в ходе избирательной кампании, во всяком случае, на ее первом этапе. Конечно, все кандидаты обменялись сентенциями на тему *возродить экономическую мощь Америки*, но как-то *без души*, скорее для успокоения электората. Это, конечно, может означать как то, что дела не так уж и плохи, так и то, что дела плохи настолько, что лучше вообще экономику не трогать. Но, в любом случае, ожидать, что будущий американский президент будет заниматься экономикой – наивно. И тем более надо помнить, что для США главным рецептом для стабилизации экономики является сверхактивная внешняя политика. Порой – война.

Во-вторых, выяснилось, что не только в Европе, но и в США времена, когда *евроатлантическое* партнерство считалось второстепенным вопросом, а на первый план выходила тема укрепления позиций в АТР и дистанцирования от бывших европейских партнеров, прошли. Дебаты в ходе первичных выборов свидетельствуют, что американская элита в целом сориентирована на дальнейшее развитие евроатлантических отношений хотя и *в формате Саркози*, то есть при откровенном геополитическом унижении европейских партнеров, прежде всего, из *старой Европы*, но без окончательного отталкивания их от себя. США, конечно, нужна слабая Европа, но Европа, которая будет хотя бы на политическом уровне вместе с США.

В-третьих, при всем том, что по сравнению с вопросами об абортах и клонировании живых существ, российская тематика является второстепенной, все кандидаты в президенты сочли должным высказаться о России. Интересное явление, особенно с учетом того, что еще четыре, не говоря уже о восьми годах ранее, Россия на американских первичных выборах мало кого интересовала вообще. Симптом, однако, и симптом очень неплохой, который свидетельствует о том, что во всей американской элите сравнительно реалистично понимают, что происходит в современном мире.

То есть общий вывод может быть сделан крайне простой: даже если президентом США станет Барак Обама, что, согласитесь, сравнительно маловероятно, США будут обречены на то, чтобы проводить активную, в какой-то мере агрессивную внешнюю политику. И в этой внешней политике России уготована не самая последняя роль. Что не может нас не тревожить, ибо, несмотря на периодически возникавшие в последние годы кризисные всплески, Россия чувствовала себя комфортно, находясь на периферии внимания США. Теперь, не исключено, наши американские партнеры, разобравшись со своими внутренними проблемами, возьмутся за нас всерьез. И не стоит питать иллюзий: слухи о коллапсе американской экономики сильно преувеличены и степень будущей вовлеченности американской элиты в поствыборные внутривнутриполитические разборки педалируется явно чрезмерно. У американцев хватит времени заняться и нами. Так что вместо того чтобы успокаивать себя разговорами о том, что США будут преимущественно заниматься внутренними проблемами, надо готовиться к новому серьезному разговору с нашими американскими партнерами. Очень серьезному разговору.

МАЛЕНЬКОЕ КОСОВО И ВЕЛИКАЯ СЕРБИЯ

В России много говорили о том, что сербы никогда не отдадут Косово, что они стремятся к восстановлению единства своей нации, что у них силен дух патриотизма. Однако пришло время, и на все эти теоретические и эмоциональные построения был дан вполне четкий и однозначный ответ: на парламентских выборах в Сербии, несмотря на все надежды новоявленных славянофилов, победила прозападная партия президента Бориса Тадича, которая собирается Косово *отдать*. Причем не просто собирается (к этому, вероятно, готовы все политические силы Сербии), но уже и делает это, причем не особо таясь. Событие произвело эффект разорвавшейся глубинной бомбы: на поверхности прошло некое незначительное шелестение, но в глубине российской политической элиты – в целом ожидавшей победы радикалов-шешелевцев – произошли тектонические сдвиги. Почти трагические для пребывающего в постоянном угаре сознания славянофилов. Выяснилось, что *братушки-сербы* сделали выбор в пользу ЕС и Запада, на прочь забыв не только о величии страны, но и о ее территориальной целостности.

Дело тут не только и не столько в прозападной ориентации сербского президента, сколько в настроениях сербского общества, которое безумно – и в переносном, и в прямом смысле слова – хочет в Европу. В этом желании готово не только Сербия, но и Воеводину отдать (а это, вероятно, следующий этап *интеграции Сербии в Европу*). Так что периодические и очень неожиданные для многих в России успехи прозападных сил в *братской Сербии* базируются не на влиянии ЦРУ, Джорджа Сороса и местных *оранжевых*, а на умонастроениях самого сербского общества. Умонастроениях, которые до поры до времени прикрываются пиаром и заявлениями о готовности *стоять до конца*, однако которые в нужный момент заставляют сербов делать *правильный выбор*, совершенно не заботясь о *потере лица*.

Из всего происходящего на Балканах мы можем сделать всего один по-настоящему значимый вывод: к общению с представителями этого региона, особенно теми, кто

напирает на некие *исторические связи* с Россией (тоже, кстати, миф), надо подходить с максимальным и почти не скрываемым цинизмом. И дело уже не в том, чтобы не быть большими сербами, нежели сербы. Задача сегодняшнего дня заключается в том, чтобы перестать быть сербами вообще.

С другой стороны, очевидно, что косовары и албанская диаспора становятся одним из наиболее значимых факторов в Европе пока с точки зрения криминальных отношений, но пройдет не так уж много времени – и с точки зрения экономики в целом. И вместо того чтобы делать вид, что этой силы в Европе не существует, вполне можно было бы – сохраняя, естественно, свою *принципиальную* позицию и высказывая при случае *братьям-сербам* слова поддержки и сочувствия, но уже за отдельную плату, – начать налаживать отношения с этой новой европейской силой. Ибо есть большой шанс, что именно косовары, а не заплывшие жиром бундесбюргеры или поляки, одержимые идеей на плечах американских налогоплательщиков въехать в рай, будет диктовать свои правила игры на европейском континенте. И с этой силой нам рано или поздно придется иметь дело, и вместо того чтобы дожидаться, пока необходимость налаживать контакты с этой влиятельной силой станет для нас неприятной неожиданностью, было бы неплохо начинать работу уже сейчас.

КИТАЙСКИЙ ПРОВАЛ

Казалось бы, большинство событий в Поднебесной, случившихся за последнее время, с трудом может быть отнесено к внешней или оборонной политике. В конечном счете, наши китайские друзья за последнее время только то и делали, что проводили скандальную эстафету олимпийского огня, боролись с очередной внезапно разразившейся эпидемией какой-то неведомой болезни и спасали из-под развалов городов пострадавших при землетрясении. Никаких крупных внешнеполитических действий Пекин за последнее время не сделал. И, тем не менее, и КНР оказалась в компании тех, кто пострадал от *срывания масок*, которое мы наблюдали в последнее время.

Конечно, современный Китай разительно отличается от Китая времен кампаний *догнать и перегнать Англию по производству стали*, когда домны вырастали в каждом дворе, и борьбы с воробьями. Китай запускает космонавтов в околоземное пространство, пытается строить, хотя и с сомнительным успехом, собственные самолеты, Китай создал несколько городов-витрин. Но все это оказалось лишь вершиной айсберга, под которой скрывались неприятная реальность неэффективности системы государственного управления и очевидные внутренние социальные и национальные проблемы.

Действия китайских властей, хаотичные, неумелые, а порой – и просто истеричные, показали всему миру, что за фасадом отполированной китайской реальности скрывается множество проблем, прежде всего, неэффективность государственной управленческой машины. А это явно практически полностью исключает возможность проведения ею агрессивной внешней политики. Тем более – агрессивной внешней политики в отношении государства, которое обладает колоссальным опытом использования внутривнутриполитических проблем для борьбы со своими геополитическими противниками. То есть США. Не может быть глобальным лидером государство, которое не способно справиться самостоятельно со стихийным бедствием и крупным катаклизмом. Это очень хорошо понимали в США, когда наотрез отказались принимать какую-либо существенную помощь из-за рубежа после 11 сентября 2001 г. Поэтому все мечты китайских лидеров о восстановлении хотя бы подобия биполярности теперь уже с опорой на экономический потенциал КНР обратились в буквальном смысле *в прах* и остались под развалинами домов в провинции Сычуань. А если говорить точнее – под грудами гуманитарной помощи и палаток,

которые прислали в КНР страны, куда менее процветающие, нежели Китай. Например, Таджикистан, *оторвавший* для страны мегаполисов и помпезных небоскребов на 100 тыс. долл. гуманитарной помощи.

Образно говоря, Китай и его руководство в истории с землетрясением коллективно *потеряли лицо*. А этого на Востоке, что на Ближнем, что на Дальнем – не прощают. Так что российским *геополитикам* и политологам, предсказывавшим уже в самом скором будущем глобальное соперничество между Поднебесной и США, придется повременить с прогнозами.

Лет на двадцать.

ГРУЗИНСКИЕ СТРАДАНИЯ

Почему М.Н. Саакашвили притормозил осуществление военной операции против Южной Осетии, как минимум, а возможно, – и против Абхазии, которую в мае ожидали со дня на день? Только ли из-за того, что почувствовал сокращение американской поддержки? Вряд ли – напротив, логика развития ситуации как раз толкала его к началу военного противостояния. Вооруженный конфликт был нужен М.Н. Саакашвили именно для того, чтобы США уже не смогли отвернуться от помощи своему союзнику и были вынуждены участвовать в конфликте, который им вовсе не нужен. Только ли из-за того, что Россия четко показала, что не останется в стороне от конфликта? Тоже вряд ли – грузинский лидер, да и вся элита *маленького, но очень гордого* государства явно не верит в возможность российской интервенции. Из-за проблем с политической оппозицией? Еще менее вероятно – операция в мятежных автономиях как ничто другое позволила бы сплотить грузинское общество почти до состояния монолита. Из-за того, что европейцы послали грузинскому лидеру весьма очевидное послание, дав политическое убежище беглому министру обороны И.Л. Окруашвили? Сомнительно, ибо М.Н. Саакашвили свой выбор в пользу Вашингтона – а кого же еще – уже давно сделал и мнение европейцев и их сигналы его интересовали довольно мало.

Думается, дело обстоит куда проще: Саакашвили вдруг понял, что могучесть его армии, которая регулярно ходит парадными по центральным улицам Тбилиси, которая выпестована американскими инструкторами и на которую тратятся колоссальные по меркам Грузии средства, может оказаться всего лишь еще одной иллюзией. Никто на сегодняшний день точного ответа на этот вопрос дать не может – слишком много времени прошло после прошлого грузино-абхазского конфликта. Изменились и грузины, и жители Абхазии, но проверять гипотезу о силе своей армии, рискуя потерять с трудом достигнутое относительное материальное благополучие как-то не хочется даже М.Н. Саакашвили. Это доказывает одну фантастическую на первый взгляд гипотезу – М.Н. Саакашвили все же не сумасшедший. Он им только прикидывается. Конечно, все произошедшее не исключает того, что Саакашвили решится на вооруженную акцию против мятежных автономий, хотя, конечно, триумфально выигранные выборы несколько снижают эту вероятность – грузинскому лидеру теперь не надо доказывать свои права на власть, испытывая судьбу в абхазских лесах и горах. Теперь можно устраивать куда более безопасные кризисы в отношениях с Россией и осваивать щедро поставляемую американскую помощь. Становящаяся все более *мутной* история с якобы сбитым российским истребителем грузинским беспилотником ставит, конечно, некоторые вопросы, но не по поводу Грузии. Грузинская сторона как раз ведет себя совершенно логично и предсказуемо. Вопросы возникают в отношении позиции ООН, которая не задумываясь и не вдумываясь, практически *не глядя* принимает грузинскую версию событий. И в связи с этим возникает вопрос: не была ли российская поддержка американского ставленника Пан Ги Муна (он

оказался даже не ставленником, а элементарной марионеткой, которой американцы манипулируют уже почти не скрывая) плодом, надеюсь, добросовестного заблуждения? И не пора ли эту ошибку исправить?

Что же до российско-грузинских отношений, то вряд ли стоит рассчитывать на какие-то принципиальные изменения. И иллюзии, имевшиеся у некоторых в России, что приход к власти оппозиции мог что-то изменить, были не то чтобы опасными, но пустыми. Никакой принципиальной разницы между оппозицией и властью в Грузии нет, если не считать то го, что власть уже находится у кормушки, в которую поступает иностранная помощь, а оп позиция очень хочет к ней прорваться. И в такой ситуации самое лучше для России – не замечать Грузию. Быть готовым к тому, что грузинский лидер легко может пойти на обострение в зоне конфликтов, но в текущей политике – не замечать Грузию и не реагировать на М.Н. Саакашвили. И тогда львиная доля пугающей великости грузинского президента испарится, и он окажется всего лишь еще одним из американских ставленников, который удачно оседлал зарубежную помощь и сел на каспийскую нефтяную трубу.

ИРАКСКИЙ ЗИГЗАГ

Не успели отзвучать фанфары, возвещавшие относительную стабилизацию ситуации в Ираке, как она с пугающей естественностью вернулась на круги своя. Потери американского контингента вновь стали неприятно расти, опять увеличилось количество нападений межконфессионального плана, вновь взрываются нефтепроводы, а забрезживший вроде бы весной 2008 г. свет в конце тоннеля вновь погас. А произошло всего ни чего: американцы по финансовым и политическим соображениям стали выводить дополнительный контингент войск. После этого вольготнее почувствовали себя боевики, вновь выяснилось, что между лидерами Ирака нет почти ничего общего, а новая иракская армия и спецслужбы – это всего лишь вывеска и прикрытие для коррупционеров и садистов всех мастей. А главное – что вся нынешняя система власти в Ираке держится исключительно на американских штыках.

В результате весь усиленно надувавшийся республиканцами, в том числе и в предвыборных целях, *шарик* под названием *стабилизация в Ираке* сдулся, как будто его и не было. Так что и здесь политика, причем как внешняя, так и внутренняя недрогнувшей рукой развеяла иллюзии и заблуждения, которые усиленно развивала американская администрация.

Мораль: в конфликте, подобном ситуации в Ираке, какие бы ни происходили тактические позитивные сдвиги и какие ни достигались бы тактические успехи, главным фактом успешности проводимых мероприятий является создание твердой и эффективной вне зависимости от степени жесткости власти. Власти, которая способна сама за себя постоять и наводить порядок в своих отношениях с обществом самостоятельно, без по мощи посредников. Еще раз подчеркнем, вне зависимости от степени жестокости и принуждения несогласных, хотя понятно, что для современного Ирака эта степень будет чрезвычайно высока. Но такую власть, особенно в такой ситуации, в которой находится современный Ирак, способны создать сильные личности, личности, которые пой дут на все ради власти, на кровь, на любые преступления ради власти, если хотите – параноидальные диктаторы. А не та компания политических пустышек, осваивающих с успехом американские деньги под прикрытием американских же танков в *зеленой зоне* Багдада. В Ираке нет главной стабилизирующей силы – твердой власти. И в данном формате американской политики – и не будет, причем вне зависимости от того, кто конкретно будет хозяином Белого дома.

Иными словами, США в Ираке находятся в состоянии еще худшем, нежели советские войска в Афганистане. После вывода советского контингента просоветский режим продержался в Афганистане худо-бедно сравнительно длительный срок. Американские ставленники в Ираке после вывода так называемых *многонациональных сил* продержатся не более двух месяцев, а то и меньше. Мораль: зачем нужны были эти сотни тысяч жертв, если, в конечном счете, задачей американцев в Ираке становится поиск очередного диктатора, который даст им возможность безбоязненно покинуть Ирак и некоторое время делать вид, что они победили?

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЛЛЮЗИИ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Разоблачение внешнеполитической магии, иллюзий и заблуждений само по себе процесс полезный, а появление таких иллюзий – естественно и нормально для любого общества. Любое общество, любая страна думают о себе и своих международных перспективах, как правило, лучше, нежели они есть на самом деле. Вопрос только в том, что бы делать из порой неприятных открытий правильные выводы. Самое опасное, когда внешнеполитические иллюзии становятся как бы прикрытием для внешнеполитической безответственности. А внешнеполитическая безответственность – из песни слова не выкинешь – на протяжении последних лет являлась отличительной чертой российской политической элиты. И наиболее ярким примером подобной безответственности, замешенной на иллюзиях, является ситуация вокруг Украины. Ибо все, что произошло за последние 20 лет в отношениях между Россией и Украиной, есть наполовину результат господства коррупционных схем в экономике, а наполовину странных иллюзий, усиленно культивировавшихся в российской политической элите.

Ведь с самого начала существования *незалежной* очень многие эксперты говорили, что существовать эта искусственно сколоченная коммунистическим режимом территория может только на основе враждебности по отношению к России, что рано или поздно Украина станет плацдармом для НАТО и США, который может использоваться в том числе и для военного давления на Россию, что натовские танки, весьма вероятно, могут оказаться под Смоленском. Тогда этих экспертов шельмовали, как могли, называли экстремистами, призывали наказать, говорили о том, что они подрывают перспективы сотрудничества двух братских государств. Короче, делали все, чтобы их голос не был услышан в густо замешенном на российском ворован ном газе потоке *конструктива*. И что теперь, когда все опасения *экстремистов* становятся вполне объективной реальностью, которая вот-вот будет дана нам в ощущениях? А ничего. Ни кто из тех, кто безответственными за явлениями о *российско-украинском партнерстве* нанес России почти непоправимый ущерб в сфере безопасности, не заплатил постом, никто с позором не был изгнан из экспертного сообщества. Все они *при деле*, кто советует властям, кто разъезжает по миру в качестве то ли государственного чиновника, то ли туриста. А кто-то про должен выстраивать *конструктивное взаимодействие* с Киевом, естествен но, на газовой основе.

А *экстремисты*, правильно предсказавшие ход событий, так и остались экстремистами. На них все так же показывают пальцем и говорят, что, дай таким волю, они такого натворят в российско-украинских отношениях, раз рушат, мол *атмосферу партнерства*. Что *экстремистам волю не дадут* – это понятно. Не дадут, побоятся, а жаль. Ибо сохранение *при деле конструктивно настроенных* – залог того, что Россия не сможет вовремя разглядеть и следующую опасную иллюзию, следующее заблуждение и, как и в случае с Украиной, потеряет еще 10 лет в бес цельных попытках *найти формулу*

взаимодействия. Ибо безответственность элиты порождает ее неконкурентоспособность, а это – прямой путь к внешнеполитическим поражениям.

Таким образом, урок прошедшего исторического периода, периода срывания масок и разоблачения иллюзий заключается в том, что русским пора перестать быть единственной нацией в мире, которая наступает на одни грабли трижды.

Так что, как пел в свое время Виктор Цой: «Все говорят, что мы в месте. Все говорят, но немногие знают, в каком». Пора научиться понимать, в каком мы месте.

Дмитрий Евстафьев